

УДК 81'342.9
UDC 81'342.9

Пиотровская Лариса Александровна
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Larisa A. Piotrovskaya
Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
e-mail: larisa11799@yandex.ru

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЭМОТИВНОЙ ФУНКЦИИ ИНТОНАЦИИ
BASIC PRINCIPLES FOR STUDYING
INTONATION EMOTIVE FUNCTION**

Аннотация

В статье предлагаются ответы на основные вопросы, от решения которых зависит корректность исследования эмотивной функции интонации: 1) проблема классификации эмоций; 2) универсальный / идиоэтнический характер интонационного выражения эмоций; 3) структура интонационного контура, значимая для адекватного описания эмотивных типов интонации; 4) место эмотивных интонационных контуров в интонационной системе языка; 5) многообразие эмотивных интонационных контуров; 6) методика организации экспериментального исследования эмотивной интонации.

Abstract

The current paper focuses on responses to major questions that determine the correctness of researching the emotive function of intonation: 1) the problem of classifying emotions; 2) universal / idioethnic nature of expressing emotions by means of intonation; 3) intonation pattern structure significant for adequate description of intonation emotive types; 4) the place of emotive intonation patterns in language intonation system; 5) variety of emotive intonation patterns; 6) methods of planning experiments for studying emotive intonation.

Ключевые слова: интонация, эмотивная функция, классификация эмоций, интонационный контур.

Keywords: intonation, emotive function, classification of emotions, intonation pattern.

doi: 10.22250/2410-7190_2016_2_4_41_49

Эмотивная функция интонации привлекала внимание интонологов давно. В этой связи нельзя не назвать В. А. Богородицкого, в трудах которого не только обращается внимание на необходимость самого тщательного изучения того, как «живая речь пользуется для передачи оттенков настроения говорящего <...> соответствующим изменением тембра и тона голоса, усилением или ослаблением его, а также замедлением или ускоре-

нием темпа речи, и, наконец, удлинением ударяемого гласного в подчёркиваемом слове» [Богородицкий, 1935, с. 216], но и содержится первый опыт сравнительно-сопоставительного изучения интонации, в том числе эмотивной, на материале русского, украинского, польского, сербохорватского, литовского, английского, французского и итальянского языков [Богородицкий, 1939, с. 133–139].

Несмотря на то, что ещё А. М. Пешковский считал «исконной» функцией интонации «выражение эмоциональной стороны речи» [Пешковский, 1959, с. 177], далеко не все исследователи выделяют эмотивную функцию интонации. Однако «спорным является, по-видимому, не сам факт наличия у интонации функции выражения эмоций, а лингвистичность её» [Светозарова, 1982, с. 23]. Для решения данной проблемы необходим дифференцированный подход, основанный на том, что интонационные контуры, выражающие одни эмоции, «ближе к условным языковым знакам», тогда как в других «очевидна непосредственная физиологическая обусловленность» [Светозарова, 1982, с. 23; см. также: Николаева, 1977, с. 45].

Таким образом, **первый вопрос** связан с проблемой классификации самих эмоций. Н. Д. Светозарова, развивая предложенное ею разграничение «общей эмоциональной окраски», «общего эмоционального состояния» и «эмоциональных значений» [Светозарова, 1982, с. 23], называет следующие критерии: 1) степень универсальности – специфичности, 2) степень осознанности – контролируемости, 3) роль и место в коммуникации, 4) характер просодических средств [Светозарова, 2000, с. 64]. С лингвистической точки зрения особого внимания заслуживает ещё один критерий: «Для выражения конкретных эмоций наряду с просодическими средствами в языке существуют также лексические и грамматические средства <...>. Так, эмоция сожаления может быть обозначена через междометие *увы*, уверенность – словами *конечно, непременно*, вызов – оборотом *а как же!* При описании же таких общих эмоциональных состояний, как волнение, страх или печаль, писатели вынуждены обращаться к комментариям, ремаркам» [Светозарова, 2000, с. 65].

Таким образом, **эмотивные интонационные контуры, имеющие статус условных языковых знаков, выражают лишь те эмоции, которые коррелируют с социально закреплённым эмотивным компонентом значения эмотивных слов и эмотивных синтаксических моделей**. Следовательно, фонетист, обращающийся к изучению эмотивной функции интонации, должен опираться на результаты лексикологических и синтаксических исследований. Работы, посвящённые дифференцированному лингвистическому анализу эмотивного макрокомпонента лексического значения, стали появляться лишь с конца 1980-х годов; первым систематическим исследованием в этом направлении является монография В. И. Шаховского [Шаховский, 1987].

Сложность определения эмотивного компонента значения синтаксических моделей обусловлена двумя обстоятельствами. Во-первых, объек-

том такого анализа должны быть только эмотивные синтаксические конструкции (понятие эмотивной синтаксической конструкции было определено нами ранее [Пиотровская, 1993]); во-вторых, выделение типового эмотивного компонента значения синтаксических моделей требует семантического анализа всего многообразия эмотивных высказываний, построенных по одной синтаксической модели. Так, типовое значение эмотивной синтаксической конструкции «*a* + *ещё* (+ прилагательное) + существительное в форме именительного падежа (+ называется)» (например: *А ещё инженер!*) – ‘выражение неодобрения в сочетании с разочарованием’; типовое значение эмотивных высказываний с производным междометием *подумаешь* (например: *Подумаешь – склероз!*) – ‘выражение безразличия / пренебрежения (презрения)’ в зависимости от одушевлённости / неодушевлённости существительного [Пиотровская, 1994, с. 80–83].

Плодотворным для изучения эмотивной функции интонации считаем также принятое в отечественной психологии разграничение в эмоциональной сфере аффектов, собственно эмоций (предметных чувств) и чувств [Леонтьев, 1971; Рубинштейн, 1999, с. 574–583], поскольку с эмотивным компонентом значения языковых единиц, на наш взгляд, коррелируют лишь собственно эмоции, например восхищение, отвращение, возмущение. Исключение аффектов обусловлено их природой как «стремительно и бурно протекающего эмоционального процесса взрывного характера» [Рубинштейн, 1999, с. 579]. Чувства (мировоззренческие чувства, например чувство юмора, иронии, чувство возвышенного, трагического) не могут составлять эмотивный компонент значения языковых единиц, поскольку «все они образуют основные проявления эмоциональной сферы, органически включённой в жизнь личности» [Рубинштейн, 1999, с. 579].

Таким образом, только *сочетание психологических и лингвистических классификаций эмоций* может служить достаточно надёжным ориентиром в разграничении двух групп эмоций, одни из которых «передаются одинаковыми для всех языков средствами, другие специфически языковыми, находящимися в компенсаторных отношениях с интонационными показателями» [Николаева, 2000, с. 186].

Второй вопрос касается выделения в структуре фразовой интонации «трёх интонационных слоёв» – «универсального слоя», «слоя словесной просодии» и «специфически интонационного слоя» [Николаева, 2000, с. 185–181]. Как отмечает Т. М. Николаева, обнаружить собственно языковой слой, составляющий фразовую интонацию конкретного языка, можно только косвенными средствами. Попытаемся проиллюстрировать «*косвенный метод*» выделения собственно языкового слоя в интонационном выражении эмоций.

Обобщение многочисленных исследований, в которых описывается интонационное выражение удивления, позволяет сделать вывод о том, что языковой универсалией является восходящий тип мелодического контура и расширение частотного диапазона. Специфичным в различных языках, по

нашим данным, является крутизна мелодической кривой: так, для русского языка характерно плавное, а не резкое повышение тона в предцентровой части, а также неглубокое понижение тона (до уровня не минимальной, а средней индивидуальной высоты) в конце фразы (например: *Завтра?*).

Говоря об интонационном выражении недовольства в различных языках, многие исследователи отмечают увеличение степени выделенности слова, стоящего под фразовым ударением, и «утрированное» произношение согласных звуков, что, на наш взгляд, можно квалифицировать как характеристики универсального интонационного слоя. Собственно языковой слой составляет детальная структура динамического контура, то есть локализованность динамического максимума, степень изрезанности динамической кривой, а также соотношение разных ударений по уровню интенсивности. Например, при выражении ненаправленной отрицательной эмоции недовольства в высказываниях с частицей *что за* (например: *Что это за погода?*) динамический максимум локализуется на частице *что*, тогда как при выражении направленной отрицательной эмоции возмущения – на существительном; при выражении этого же типа эмоции возможна сложная структура динамического контура с двумя пиками интенсивности.

Третий вопрос связан с определением характера фонетических средств, образующих в комплексе соответствующий интонационный контур. Р. Якобсон отмечал, что при выражении эмоций (по его терминологии, «неграмматических значений») оказываются задействованы главным образом те просодические средства, которые не обслуживают систему грамматических элементов [Якобсон, 1923, с. 39–40]. Поэтому для корректного описания эмотивных интонационных контуров требуется пристальное внимание к таким его составляющим, как регистр, диапазон, изрезанность мелодического и динамического контуров, изменение длительности отдельных звуков, степень выделенности фразового ударения и другое. Это предполагает *детальное описание всех компонентов интонационного контура – мелодического, динамического, темпорального, а также просодического тембра*. Так, в исследовании Л. И. Судаковой доказывается, что для противопоставления эмоционально нейтрального вопроса-переспроса и вопросительных высказываний, оформляемых с помощью ИК-6, с разными эмотивными компонентами значения – ‘выражение недоумения’ (*Чего я дожидаясь?*) и ‘выражение припоминания’ (*Где поймана?*) – наибольшими смысловоразличительными возможностями обладает темп речи в сочетании с регистром [Судакова 1993]. Игнорирование хотя бы одного из компонентов интонации чревато неадекватным представлением своеобразия эмотивных интонационных контуров.

Четвёртый вопрос – место эмотивных интонационных контуров в интонационной системе языка. В классификации интонационных конструкций Е. А. Брызгуновой эмотивными, в нашем понимании, являются ИК-5, ИК-6, ИК-7. Что же касается других эмотивных интонационных контуров, то Е. А. Брызгунова рассматривает их в качестве модальных реализаций основных интонационных

конструкций [Брызгунова, 1984; Брызгунова, 1980, с. 109–120]. **Определение статуса эмотивных интонационных контуров** как самостоятельных интонационных конструкций или как вариантов основных интонационных конструкций, на наш взгляд, связано с решением сугубо теоретического **вопроса – о классификации предложений по цели высказывания**.

Мы исходим из того, что наряду с повествовательными, вопросительными, побудительными (и оптативными) высказываниями, которые могут быть как эмоционально нейтральными, так и эмоционально окрашенными, существует самостоятельный коммуникативный тип высказываний, называемых нами эмотивными. Это высказывания, главной целью которых является не сообщение, не вопрос и не побуждение к действию, а выражение эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к предмету речи или какому-либо лицу.

Как показало проведённое нами исследование, эмотивные типы интонации могут быть единственным формальным признаком, разграничивающим эмотивные высказывания и омонимичные им высказывания других коммуникативных типов, например, общий вопрос и эмотивное высказывание (*Завтра?*), специальный вопрос и эмотивное высказывание (*Какой долг?*), обращение и эмотивное высказывание (*Костя!*) и другие. Е. А. Брызгунова сформулировала следующий принцип выделения системы интонационных конструкций: «Смыслоразличительные возможности интонации наиболее ярко проявляются при сравнении высказываний с одинаковым синтаксическим строением и лексическим составом или высказываний с разным синтаксическим строением, но одинаковым звуковым составом словоформ» [Брызгунова, 1980, с. 97]. Применение этого принципа к структурным типам эмотивных высказываний, омонимичных высказываниям других коммуникативных типов, позволяет говорить о том, что соответствующие эмотивные интонационные контуры имеют статус самостоятельных интонационных конструкций.

Пятый вопрос обусловлен чрезвычайно большим многообразием эмотивных интонационных контуров. Как показывают наши исследования, основных причин тому четыре.

Во-первых, наряду с автоматизированными интонационными контурами существуют неавтоматизированные, индивидуальные.

Во-вторых, человеку свойственно переживать сложные эмоции, поскольку одна и та же ситуация может в разной мере соответствовать или не соответствовать различным потребностям человека.

В-третьих, и это, пожалуй, особенно важно, подавляющее большинство эмотивных интонационных контуров закреплено за высказываниями определённых структурных типов. Иными словами, синонимия в эмотивной подсистеме интонационной системы языка есть объективное следствие наличия **структурной специализации эмотивных интонационных контуров**.

Приведём всего два примера.

Эмотивные высказывания с местоимённо-вопросительными словами (*Что за история? Чего, дура, затужила?*) при выражении удивления

оформляются интонацией, характеризующейся восходящим тоном, тогда как высказывания с местоимённо-указательными словами (*Вот так история!*) – интонацией, сходной с ИК-5, но отличающейся от неё четким членением мелодического и динамического контуров на две части.

Сравнение интонации высказываний различных структурных типов со значением ‘выражение восхищения’ (*Что за край! Вот так коробочки! Вот черти! Ну и баба!*) свидетельствует о том, что реализация ИК-5 в средне-низком или низком регистре не наблюдается в высказываниях, содержащих в своём составе местоимённо-вопросительные слова.

В-четвёртых, поскольку эмоции, образующие одну зону, различаются по степени интенсивности, а эмотивный компонент значения – по мотивированности различными логизированными компонентами (понятие логизированных компонентов типового значения эмотивных синтаксических моделей раскрыто в нашей работе [Пиотровская, 1994, с. 73–85]), то синонимичные с точки зрения эмотивного компонента значения высказывания могут оформляться различными интонационными контурами.

Например, разные интонационные контуры оформляют следующие синонимичные эмотивные высказывания: *Да какой он герой!*; *Вот так герой!*; *Подумаешь, герой!* с общим эмотивным компонентом значения ‘выражение пренебрежения’, поскольку эмотивный компонент значения мотивирован разными логизированными компонентами. В высказываниях типа *Вот так герой!* названный эмотивный компонент значения мотивирован логизированными компонентами значения ‘несоответствие прогнозу говорящего’ и ‘противопоставление ожидаемого и реального’; в высказываниях типа *Подумаешь, герой!* – компонентами значения ‘противопоставление ценностной картины мира разных лиц’ и ‘утверждение’; в высказываниях типа *Да какой ты (он, она) герой!* – компонентами значения ‘противопоставление оценки разных лиц’ и ‘несогласие, отрицание’. Следовательно, мотивационный аспект сходного эмоционального отношения пренебрежения говорящего к какому-либо лицу в приведённых эмотивных высказываниях принципиально различен: описательно его можно представить следующим образом: *Вот так герой!* – «Настоящие герои так не поступают»; *Подумаешь, герой!* – «Некое лицо действительно герой, но говорящий не считает это значимым»; *Да какой ты (он, она) герой!* – «Некое лицо вовсе не герой, хотя кто-то так считает» [Пиотровская, 1994, с. 95 и сл.]. Это различие не может не отражаться в интонационном выражении пренебрежения.

Таким образом, фонетист, занимающийся изучением эмотивной функции интонации, должен осуществлять детальный семантический анализ предложения-высказывания.

Наконец, немаловажное значение имеет **ещё один вопрос** – методика организации экспериментального исследования эмотивной интонации.

Поскольку *эмоции* – это психическое явление, которое *говорящий непосредственно переживает*, то для обеспечения естественного инто-

нирования соответствующих высказываний они должны даваться в достаточно широком контексте, который позволит актуализировать причину возникновения эмоции.

При проведении экспериментов по восприятию необходимо учитывать, с одной стороны, зонный характер выражения эмоций, а с другой – трудности в выборе однословного названия для обозначения конкретной эмоции; поэтому **аудиторам необходимо предлагать список слов-названий эмоций** и, кроме того, позволять им пользоваться **методом «свободных» инструкций**.

Выделенные нами вопросы, возникающие перед любым фонетистом, обращающимся к изучению эмотивной функции интонации, должны решаться в органическом единстве.

Список литературы

1. Богородицкий, В. А. Общий курс русской грамматики [Текст]: (из университетских чтений) / В. А. Богородицкий. – 5-е изд., перераб. – М.; Л.: Соцэкгиз, 1935. – 356 с.
2. Богородицкий, В. А. Очерки по языковедению и русскому языку [Текст] / В. А. Богородицкий. – 4-е изд., перераб. – М.: Учпедгиз, 1939. – 223 с.
3. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 117 с.
4. Брызгунова, Е. А. Интонация [Текст] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Т. 1. – М.: Наука, 1980. – С. 96–122.
5. Леонтьев, А. Н. Потребности, мотивы, эмоции [Текст]: конспект лекций / А. Н. Леонтьев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 41 с.
6. Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. – М.: Наука, 1977. – 278 с.
7. Николаева, Т. М. От звука к тексту [Текст] / Т. М. Николаева. – М.: Языки русской культуры, 2000. – 680 с. – (Язык. Семиотика. Культура.)
8. Пешковский, А. М. Интонация и грамматика [Текст] / А. М. Пешковский // Пешковский, А. М. Избранные тр. – М.: Учпедгиз, 1959. – С. 177–191.
9. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания в современном русском языке [Текст]: учеб. пособие к спецкурсу / Л. А. Пиотровская. – СПб.: Образование, 1993. – 71 с.
10. Пиотровская, Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования [Текст] / Л. А. Пиотровская. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. – 146 с.
11. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии [Текст] / С. Л. Рубинштейн. – СПб.; М.; Харьков; Минск: Петер Ком, 1999. – 720 с. – (Серия «Мастера психологии».)
12. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 175 с.
13. Светозарова, Н. Д. Интонация в художественном тексте [Текст] / Н. Д. Светозарова. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2000. – 180 с.

14. Судакова, Л. И. Регистровые различия русской интонации и их функции [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.01 / Судакова Людмила Ивановна ; Ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 1993. – 22 с.
15. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка [Текст]. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. – 191 с.
16. Якобсон, Р. О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским [Текст]. – [Берлин] ; М. : Гос. изд-во РСФСР, 1923. – 120 с. – (Сборник по теории поэтического языка. Вып. V.)

References

1. Bogorodickiy, V. A. (1935). *Obshhij kurs russkoj grammatiki: (iz universitetskij chtenij)* [The general course of Russian grammar: (From university lectures)]. 5th ed., corrected. – Moscow ; Leningrad : Socjkgiz.
2. Bogorodickiy, V. A. (1939). *Ocherki po jazykovedeniju i russkomu jazyku* [Essays in language studies and the Russian language]. 4th ed., corrected. Moscow : Uchpedgiz.
3. Bryzgunova, E. A. (1984). *Jemocional'no-stilisticheskie razlichija russkoj zvuchashhej rechi* [Emotional and stylistic differences of Russian oral speech]. Moscow : Moscow State University Press.
4. Bryzgunova, E. A. (1980). Intonacija [Intonation]. In N. Ju. Shvedova (Ed.), *Russkaja grammatika* [Russian Grammar] (Vol. 1, pp. 96–122). Moscow : Science.
5. Leont'ev, A. N. (1971). *Potrebnosti, motivy, jemocii: konspekt lekcij* [Needs, motives, emotions: Lectures]. – Moscow : Moscow University Press.
6. Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaja intonacija slavjanskih jazykov* [Phrasal intonation of Slavic Languages]. Moscow : Science.
7. Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow : Languages of Russian Culture. (Jazyk. Semiotika. Kul'tura. [Language. Semiotics. Culture].).
8. Peshkovskiy, A. M. (1959). Intonacija i grammatika [Intonation and grammar]. *Izbrannye tr.* [Selected works] (pp. 177–191). Moscow : Uchpedgiz.
9. Piotrovskaya, L. A. (1993). *Jemotivnye vyskazyvanija v sovremennom russkom jazyke: ucheb. posobie k speckursu* [Emotive utterances in modern Russian: A handbook to the course]. – St.-Petersburg : Education.
10. Piotrovskaya, L. A. (1994). *Jemotivnye vyskazyvanija kak objekt lingvisticheskogo issledovanija* [Emotive utterances as the object of linguistic study]. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
11. Rubinshteyn, S. L. (1999). *Osnovy obshhej psihologii* [Basics of general psychology]. St.-Petersburg; Moscow; Kharkov; Minsk : Peter Kom, 1999. (Series «Experts of psychology»).
12. Svetozarova, N. D. (1982). *Intonacionnaja sistema russkogo jazyka* [Russian intonation]. Leningrad : Leningrad University Press.
13. Svetozarova, N. D. (2000). *Intonacija v hudozhestvennom tekste* [Intonation in fiction literary genre]. St.-Petersburg : St.-Petersburg University Press.
14. Sudakova, L. I. (1993). *Registrovye razlichija russkoj intonacii i ih funkcii* [Pitch level differences and their functions in Russian Intonation]. Author's abstract of

PhD dissertation in Philological Sciences. Moscow : Pushkin State Russian Language Institute.

15. Shakhovskiy, V. I. (1987). *Kategorizacija jemocij v leksiko-semanticheskoy sisteme jazyka* [Emotion categorization in lexical-semantic system of the language]. Voronezh : Voronezh University Press.
16. Jakobson, R. (1923). O cheshskom stihe preimushhestvenno v sopostavlenii s russkim [Czech poetry compared to Russian one]. *Collection of works on the theory of poetic language* (Vol. V). [Berlin]; Moscow : State Press of Russian Soviet Federal Socialistic Republic.